

О концепциях китайской «новой исторической прозы»

© 2018

А.Ю. Сидоренко

В статье рассматриваются концепции «новой исторической прозы», предлагаемые ведущими китайскими, российскими и западными литературоведами. Представлен сопоставительный обзор основных черт «новой исторической прозы» 1990–2000 гг. в сравнении с литературой предшествующих периодов. Проведенный анализ показывает, что «новая историческая проза» является прямым отражением влияния новых тенденций в культурной динамике постсоциалистической эпохи на китайский литературный процесс.

Ключевые слова: Китай, современная литература, литература 1980-х, литература 1990-х, теория литературы.

DOI: 10.31857/S013128120002698-8

«Новой исторической прозой» (*xin lishi xiaoshuo*, далее — НИП) называют направление в китайской литературе, которое начало формироваться во второй половине 1980-х годов, и продолжило пополняться новыми произведениями в 1990-е — 2000-е годы. На сегодняшний день оно представлено как большим числом значимых произведений, среди которых романы Чэнь Чжунши «Равнина белого оленя» (Bailuyuan, 1993), Юй Хуа «Братья» (Xiongdi, 2005–2006), Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (Shengsi pilao, 2006) и другие, так и собственной концептуальной базой. Рассмотрение концепций НИП представляется особенно актуальным в контексте текущей культурной динамики КНР, в которой меняется место, роль и характер влияния социалистической идеологии. НИП стала предметом внимания таких ведущих китайских литературоведов, как Чэнь Сыхэ, Куан Синьнянь, Хун Цзычэн.

Характерной особенностью НИП является обращение к китайской истории XX века, которая при этом освещается с «изнаночной стороны», нивелируя характерную для 1950-х — 1970-х годов марксистскую телеологию и темпоральную логику. Как нам представляется, такой деконструктивистский интерес именно к этому периоду многотысячелетней китайской истории обусловлен тем, что он представляет собой идеологически значимое «актуальное прошлое», так как именно XX век связан с приходом КПК к власти и формированием нынешней социально-политической системы Китая. Авторы

НИП обратились к истории не как к декорации, история в НИП — ключ к пониманию и основа творческого осмысления настоящего. НИП возникла, с одной стороны, как отклик на кризис социалистической системы и культурной парадигмы 1950-х — 1970-х годов, а с другой — в ней отразилось растущее влияние рыночных процессов на китайский литературный процесс.

Кроме того, в расцвете НИП сыграл заметную роль и экономический фактор, точнее, готовность писателей — авторов НИП принять его во внимание. Наряду с возрождением и бурным развитием литературы в 1980-х годах, в культурной динамике Китая наметились новые тенденции. Помимо вышеуказанного кризиса социалистического дискурса, имело место усиление влияния рынка на литературу, особенно проявившееся в 1990-х годах, писателям приходилось напряженно бороться за внимание потребителя «культурной продукции» с кино и телевидением. Писатели, вышедшие на литературную арену как авангардисты, поняли, что освоение ранее недоступных китайскому литературному процессу новых, модных в 1980-е годы техник, с одной стороны, в 1990-е стало терять свою новизну, а с другой, — что они теряют аудиторию и «остаются не у дел» на новом этапе развития литературного процесса. В результате такие писатели, как, например, Юй Хуа и Гэ Фэй, скорректировали творчество таким образом, чтобы сделать свои произведения более доступными широкому читателю. Тем не менее нельзя сказать, что НИП «произрастает» из китайского авангарда. Например, Чэнь Чжунши, внесший заметный вклад в НИП своим романом «Равнина белого оленя», на протяжении предшествующего творческого пути не выходил за рамки реализма.

Применительно к китайской литературе термин «новая историческая проза», или «новый исторический роман», начал появляться в конце 1980-х годов. Большинство китайских исследователей, например, Ван Бяо, Хун Чжиган, Хун Цзычэн и ряд других¹, сходятся во мнении, что предпосылки появления НИП дали наработки «литературы поиска корней» (*xungen wenxue*) и «неореализма» (*xin xieshi*). Самые ранние произведения, относимые критикой к НИП, — роман Цяо Ляна «Победоносное знамя» (Lingqi, 1986), повести Мо Яня «Красный гаолян» (Hong gaoliang, 1986), Гэ Фэя «Новый год» (Danian, 1988), Су Туна «Жены и наложницы» (Qiqie chengqun, 1989) и др.

В 1990-х годах термин НИП применяли к «современным эпопеям» таких авторов, как Мо Янь, Ван Аньи, Су Тун, Гэ Фэй, Юй Хуа, Ли Жуй, Чэнь Чжунши, Чжан Вэй и пр. Эти произведения объединяла историческая тематика, но все критики указывают на ряд их принципиальных отличий от прежде существовавшей китайской исторической прозы² — отсюда и возник термин «новая историческая проза».

Китайский исследователь Чжао Сифан считает, что «изменения в концепции исторического нарратива оказали глубокое влияние на литературное творчество нового периода, в особенности на историческую литературу»³.

Чжао Сифан отмечает, что «новизна» таких романов, как «Победоносное знамя» Цяо Ляна и «Инцидент в Ваньнани» (Wannan shibian, 1987) Ли Жуцина, заключается в том, что их авторы вторглись на «запретные территории», которые литераторы прежде обходили стороной, в них отображалась «темная сторона «революционной истории»⁴. «Революционная история» (*geming shi*) — это гранднарратив, служащий обоснованием легитимности и закономерности прихода к власти в Китае коммунистов и определяющий выбор исторических тем и ракурс их освещения.

Чэнь Сыхэ, один из ведущих исследователей современной китайской литературы, в своей статье «О «новой исторической прозе»⁵ определяет НИП как прозу, представляющую собой ответвление от «неореализма», с которым его роднит беспристрастное, неприукрашенное отражение хода событий, приблизительно ограниченную по временным рамкам «периодом Республики» (поздняя Цин — конец 1940-х годов) и характеризующуюся отличной от официальной точкой зрения на важные вехи китайской революционной истории⁶.

Как отмечает Линь Цинсинь, такое излишне формализующее ограничение по временным рамкам повествования приводит нас к невозможности рассмотрения достаточно большого количества произведений, которые, безусловно, по прочим характеристикам вполне поддаются прочтению в рамках концепции НИП⁷.

Однако, не считая временных ограничений, Чэнь Сыхэ одним из первых в китайском литературоведении обратил внимание на основную интенцию НИП — это формирование альтернативного (добавим от себя — нетоталитарного) исторического дискурса и «другой точки зрения» на историю.

Важной вехой в становлении НИП как направления современной китайской прозы Чэнь Сыхэ считает повесть Мо Яня «Красный гаолян»⁸. По его мнению, Мо Янь, обратившись к «народному» (*minjian*) восприятию истории, сумел освободиться от абстрактных определений, которые дают учебники истории и литература китайского соцреализма. Чэнь Сыхэ отмечает также, что такая «народная» перспектива имеет глубокие корни в китайской литературной традиции, и писатели, чье творчество классифицируется как НИП, осуществили в некотором роде «возврат к истокам», отказавшись от той политической телеологизации повествования, которая имела место в рамках социалистической системы китайской литературы⁹.

Еще одно важное замечание Чэнь Сыхэ относится к развитию исторической темы в современной китайской литературе в целом. Исследователь обращает внимание на два направления: «партийная история» (*dangshi*) и «беспартийная (не-партийная) история» (*feidangshi*), которые отличаются не столько содержанием, сколько подходом к творчеству, точкой зрения на происходящее. В качестве примера таких разных взглядов на одни и те же события Чэнь Сыхэ приводит, с одной стороны, романы Мао Дуня «Тронулись инеем, листья алеют, словно цветы весной» (*Shuangye hongshi eryue hua*, 1942) и «Распад» (*Fushi*, 1941), а с другой — романы Ли Цзежэня, написанные в 1930-х, в частности, «Рябь на болоте» (*Sishui weilan*, 1936). В романах Мао Дуня исторически значимые события хронологически изложены в соответствии с четко определенной политической идеологией, здесь описываются типичные герои в типичных обстоятельствах. У Ли Цзежэня исторический период от первой японо-китайской войны (1894–1895) до Синьхайской революции (1911) раскрывается в судьбах разных людей — старых и новых чиновников, крестьян-налогоплательщиков, интеллигенции, религиозных деятелей, членов тайного общества и т.д. Таким образом, история «распадается» на множество судеб, из которых Ли Цзежэнь тклет полотно «народной» жизни, закладывая предпосылки появления той «народной» точки зрения, создающей гетероглоссию, характерную для большинства произведений НИП¹⁰. То есть, хотя вышеуказанный пример и не прямое сравнение, творчество Ли Цзежэня, по словам Чэнь Сыхэ, показывает, что «народная» перспектива исторического развития не является свойством исключительно НИП, и произведения, обладающие такой же «новизной», были уже в 1930-х годах.

Основной вклад Чэнь Сыхэ в концепцию НИП состоит, на наш взгляд, в том, что исследователь ставит историю Китая первой половины XX века, воспринятую через призму «народной» жизни, в основу идейно-художественного наполнения этого направления.

Другой китайский исследователь, Сунь Сянькэ, в своей статье «Нарративная специфика и формирование тематических концепций “новой исторической прозы”» (1995) высказывает схожую точку зрения. Он считает, что «новизна» НИП состоит главным образом не в выборе тематики, а в освещении «беспартийной (или не-партийной) истории», дающей платформу для нового восприятия истории как таковой. Политическая история в «новых исторических романах» заменяется частной, семейной историей¹¹.

Сунь Сянькэ также утверждает, что «история» в НИП — это не история как наука, претендующая на достоверность, объективность и универсальность, а история, кото-

рую один человек рассказывает другому, — то есть то, как художественную литературу воспринимали в старом Китае (*xiaoshuo*)¹².

Интересно также мнение Хун Чжигана о том, что в рамках НИП писатели предпринимают «попытку завершения борьбы, принадлежащей как истории, так и конкретному человеку»¹³. Благодаря этому история поворачивается от абстракций к конкретике, конкретному человеку, который из «статиста» превращается в действующее лицо. Хун Чжиган утверждает: «Чтобы писать об истории правдиво, она должна восприниматься с позиций эстетического опыта писателя — в этом состоит вопрос субъективизации истории»¹⁴.

Профессор университета Цинхуа Куан Синьнянь, рассматривая повесть Мо Яня «Красный гаолян» в контексте НИП, отмечает, что «новизна» новой исторической прозы — это новый взгляд на «революционную» историю, которая, по словам Хуан Цзыпина, была заложена в основу идеологии нового Китая и подводила рациональную основу под действительность в КНР до 1976 г.¹⁵

Кроме того, в статье выдвигается тезис о том, что авторы НИП — не участники и даже не свидетели описываемых событий, так как НИП для Куан Синьняня — литература только о «революционной истории», а ее основные авторы — 1950-х—1960-х годов рождения.

Куан Синьнянь отмечает также, что, с одной стороны, сомнение и агностицизм, присущие авангардной литературе 1980-х, стали основой для осмысления истории в НИП, с другой стороны, «новый реализм» сделал движущей силой истории в НИП первобытные инстинкты и слепое насилие¹⁶.

Самое раннее полноформатное исследование НИП из известных нам — диссертация Линь Цинсиня «Чесать историю против шерсти»¹⁷: концепция китайской новой исторической прозы как оппозиционного дискурса» (*Brushing history against the grain: constructing the Chinese new historical fiction as an oppositional discourse*), защищенная в Гонконге в 2001 г. Позже, в 2005 г. в КНР на ее основе была опубликована одноименная монография.

Основным тезисом исследования Линь Цинсиня является то, что «новая историческая проза создает оппозиционный дискурс, который отрицает китайскую современность»¹⁸.

По утверждению Линь Цинсиня, НИП «вышла на литературную арену как ряд альтернативных историй, которые бросают вызов официальной «революционной истории». В них авторы предпринимают попытку деконструировать революционную мифологию, совершая нападки на источники революции и нивелируя концепцию классовой борьбы, почитаемую ортодоксальными марксистами за главную движущую силу истории»¹⁹.

В своем исследовании Линь Цинсинь подразделяет произведения НИП на два подвида — *альтернативные истории* и *историографическую метапрозу*, которые, по его мнению, создают *гетероглоссию*, бросая вызов гранднарративу, представляющему историю как телеологически обоснованное поступательное движение²⁰. Линь Цинсинь иллюстрирует свою концепцию через развернутый анализ нескольких произведений.

Линь Цинсинь также говорит о гибридном характере *модернити*²¹ постмаоистского Китая. Исследователь отмечает, что сочетая социалистическую и буржуазную модернити²², китайская модернити совмещает и их темпоральные логики, которые телеологизированы схожим образом. Обе телеологии предполагают осмысление общества через призму идей прогресса и развития. НИП, в свою очередь, через отрицание идей прогресса как объективных сущностей подрывает суть китайской модернити²³.

НИП касается и профессор Пекинского университета Хун Цзычэн в своей широко известной «Истории современной китайской литературы», который очень точно подмечает, что ряд писателей, чье творчество во второй половине 1980-х годов относили к так называемому неореализму (дословно по-китайски — «новому реализму»), в 1990-е

обратились к исторической тематике, чем обрадовали критиков, дав им возможность употреблять термин «новая историческая проза»²⁴.

Говоря о прозе 1990-х годов, Хун Цзычэн отмечает, что после появления «неореализма» критики выделили ряд литературных течений, таких, как «новая историческая проза», «проза нового состояния» (*xin zhuangtai xiaoshuo*), «проза нового опыта» (*xin tiyan xiaoshuo*), «индивидуалистическая проза» (*geren xiaoshuo*), «личная проза» (*si xiaoshuo*) и др. Однако эти термины, в том числе и НИП, по мнению исследователя, не получили широкого распространения ввиду того, что писатели утратили интерес к созданию новых литературных течений. Кроме того, в обществе 1990-х годов, которое стремительно теряло «общий знаменатель», связывавший его в 1950-е — 1980-е годы, литературный процесс также стал стремиться к многополярности и фрагментарности. Рыночные запросы и потребности, ставшие заметным фактором литературного процесса в 1990-х, нарушили поступательное, «историческое» развитие литературного процесса²⁵.

Хун Цзычэн также отмечает, что для НИП 1990-х характерен «лиризм», описывающий человека как бессильную жертву «большой истории», что формирует новый этап после эпичности прозы 1950-х — 1960-х и политического переосмысления истории в прозе 1980-х годов²⁶.

Вышеперечисленными источниками перечень сведений далеко не исчерпывается, число статей о НИП на китайском языке весьма велико.

Об отечественных исследованиях, целиком посвященных НИП как самостоятельному литературному направлению, нам не известно. НИП как феномен упоминается в контексте рассмотрения творчества Юй Хуа в диссертации Ю.А. Дрейзис²⁷, а также в ее же статье «Разработка культурной парадигмы постмодерна в произведениях китайских авангардистов». В диссертации Е.А. Завидовской²⁸ НИП как таковая не упоминается, однако произведения, относимые к ней, рассматриваются как историческая проза в контексте постмодернизма. Кроме того, произведения, относимые к НИП, например, роман Мо Яня «Большая грудь, широкий зад», рассматриваются в диссертации А.А. Никитиной в контексте эволюции персониферы в китайской художественной прозе второй половины XX века²⁹. В связи с НИП следует также упомянуть статью О.Н. Борох и А.В. Ломанова об официальной точке зрения китайских властей на историю³⁰. В контексте официальной критики переосмысления истории как маски для «исторического нигилизма» в статье упоминается запрещенная в Китае «черная» кинокомедия об антияпонской войне «Дьяволы на пороге» (*Guizi laile*, 2000), снятая на основе повести «Выживание» (*Shengcun*, 1996) Ю Фэнвэя, чье творчество относят к НИП.

Говард Чой в своем полноформатном обзоре исторической прозы в Китае после смерти Мао, озаглавленном «Remapping the Past: Fictions of History in Deng's China, 1979–1997»³¹, делает важное замечание об унифицированной интерпретации истории периода республики (1910-е — 1940-е годы) как платформы для построения дискурса соцреализма в китайской литературе «семнадцати лет» (1949–1966). Исследователь, ссылаясь на американскую исследовательницу китайского происхождения, профессора Калифорнийского университета Ху Ин, отмечает, что период республики — один из наиболее освещаемых в исторической литературе (как художественной, так и научной), и вместе с тем имеет наименьшую вариативность трактовок³².

Г. Чой, ссылаясь труды на китайских литературоведов, определяет НИП как одно из течений китайской литературы, направленных на переосмысление и переписывание истории в соответствии с культурной динамикой второй половины 1980-х — начала 1990-х годов³³.

В выводах своего исследования Г. Чой сводит корпус рассмотренных произведений (большую часть которых другие исследователи относят к НИП) к ретропрозе (*retro-fiction*), которая вступает в диалог с официальным историческим дискурсом. Более того,

разнородность «голосов» такой ретропрозы создает уже не просто диалог с официальной историей, а *гетероглоссию*.

Говард Чой также отмечает, что новая модификация исторической прозы к середине 1990-х годов сменила свою основную направленность с «просветительской деятельности» на создание развлекательной продукции, с одной стороны, под давлением рыночной конкуренции, а с другой — под официальным руководством КПК. Результатом такой смены направленности стало появление ряда произведений в жанре «костюмированного исторического спектакля» о средневековом Китае, где внешняя, «визуальная» составляющая стала доминировать над художественным осмыслением истории³⁴.

Мы не согласны с этим утверждением и считаем весьма важным отметить, что принципы творческого и философского осмысления истории, разрабатывавшиеся писателями в рамках НИП второй половины 1980-х—начала 1990-х годов и далее, воплощались в художественном осмыслении актуального прошлого, заметной составляющей которого является жизненный опыт китайского социализма 1960-х — 1970-х годов, восприимчивый и творчески осмысленный писателями уже как собственное прошлое, а не мифологизированный нарратив. Наиболее яркие примеры — романы Мо Яня «Большая грудь, широкий зад», «Устал родиться и умирать», Юй Хуа «Братья», Ван Аньи «Песня о вечной печали» (1995), Чжан Вэя «Старый корабль» (1987). На наш взгляд, НИП как «серьезная историческая литература» не исчезла и не сошла на нет, а заняла нишу на современном китайском культурном рынке, и поэтому не стоит сожалеть об утрате литературы, как призывает нас Г. Чой.

Еще одно полноформатное исследование НИП — диссертация британского исследователя Алистера Моррисона «Прощание с историей: альтернативное отображение истории Китая XX в. в «новой исторической прозе» (2012)³⁵. В нем подробно рассматриваются романы Чэнь Чжунши «Равнина белого оленя», Лю Чжэньюня «Желтые цветы в родных краях» (Guxiang tianxia huanghua, 1991), Ли Эра «Колоратура» (Huaqiang, 2002), трилогия Ван Сяобо «Эпохи» (Shidai sanbuqi, 1994–1997).

Диссертация А. Моррисона, как нам показалось, продолжает теоретическую установку на освещение НИП как оппозиционного дискурса, взятую Линь Цинсинем и в общих чертах опирается на изыскания китайских критиков рубежа 1980-х — 1990-х, рассмотренные нами ранее. Как и Линь Цинсинь, А. Моррисон сводит воедино историографическую и собственно историческую прозу, что, с нашей точки зрения, наносит урон четкости формальной делинеации НИП.

Важным достоинством исследования А. Моррисона, на наш взгляд, является сравнительный анализ творческого осмысления земельной реформы в романах Лю Чжэньюня «Желтые цветы в родных краях» и Чжоу Либо «Ураган» (1948). Как нам кажется, рассмотрение исторической прозы в сравнении с литературой периода «семнадцати лет» (1949–1966) дает прекрасную возможность целостной характеристики стадийности развития китайского литературного процесса второй половины XX века.

Американский исследователь Джеффри Кинкли, автор книги «Антиутопия в китайском новом историческом романе» (2014), употребление термина НИП, несмотря на его несовершенство с формальной точки зрения, объясняет наличием стилистических параллелей между латиноамериканским и китайскими «новыми историческими романами». Он предлагает следующие характеристики латиноамериканского «нового исторического романа»:

- 1) Философские идеи.
- 2) Осознанное искажение истории.
- 3) Использование известных исторических личностей в качестве персонажей.
- 4) Метапрозаичность.
- 5) Интертекстуальность.

б) Концепции диалогичности, карнавализации, пародии и гетероглоссии, предлагаемые Бахтиным³⁶.

Действительно, те или иные характеристики из этого списка легко обнаруживаются в китайских «новых исторических романах».

В своем исследовании Кинкли подразумевает под НИП «исторические романы... которые отвергают и бросают вызов предыдущим национальным историческим нарративам, как правило с политической окраской, с тяжелыми последствиями для настоящего или будущего, и в которых также отражено знакомство [авторов. — А. С.], даже при разочаровании в них, с магическим реализмом, сюрреализмом, фэнтези, аллегорией, метаисторическим сомнением, пародией, самопародией, пастишем, абсурдом, и различными экспериментальными, разрозненными и нелинейными репрезентациями времени и сюжета, которые были в авангарде [литературы. — А. С.] в Китае 1980-х»³⁷.

Кроме того, Кинкли отмечает, что проследить связь между «новой исторической прозой» и дискурсом «нового историзма», как это делают некоторые китайские исследователи, «проблематично», вероятно, ввиду того, что последний является прежде всего литературно-критическим дискурсом³⁸.

Кинкли считает, что антиутопичность романов 1990-х — 2000-х годов — это попытка осмысления предыдущего маоистского (утопического) этапа китайской истории³⁹. Предмет исследования Кинкли — антиутопия — это достаточно четкий «общий знаменатель», дающий ключ к целостной характеристике этапа литературы после 1989 г.

Принимая во внимание вышесказанное, можно увидеть, что большинство исследователей, несмотря на различия в подходах к формальной делинеации, характеризуют НИП как новый этап в развитии «серьезной», чистой литературы, своего рода следующий за «литературой нового периода». Термин НИП удобен прежде всего тем, что он имеет достаточно широкое хождение в литературно-критических кругах. Однако он не лишен недостатков. Первый из них заключается в расплывчатости термина «новый», который к тому же употребляется достаточно часто («Новый Китай», «литература нового периода», «новый реализм», «движение за новую культуру» и т. д.), что может ввести в заблуждение тех, кто не близко знаком с концепциями истории новейшей китайской литературы.

Второй момент, который может ввести в заблуждение — слово «исторический». Широко известно, что основа фактуры классического исторического романа (например, у В. Скотта) — достоверное воссоздание давно минувших эпох. Если взглянуть на большинство романов НИП, то, на наш взгляд, основу их идейного наполнения составляет не осмысление каких-либо давних исторических периодов, а *переосмысление* недавних событий, имеющих идеологическое и политическое значение для современности. Кроме того, прошлое в НИП часто смыкается с настоящим, как в романах Юй Хуа, Мо Яня, Чжан Вэя, Ван Аньи и т.д. Конкретно-историческая фактура НИП, как нам кажется, берется не для подробной детализации, а для того, чтобы поставить ценностные установки, постулируемые «красной классикой», в центр внимания и сделать процесс их переосмысления более эксплицитным. Получается, что мы имеем дело, скорее, с де-историзацией недавних событий, «историзованных» социалистической идеологией, а НИП в пору называть если не «антиисторической» или «постисторической», то историософской, а не «исторической» прозой, дабы не вводить читателя в заблуждение.

Наше видение романов на актуальную историческую тематику, появившихся в 1990-е годы, в основном совпадает с точкой зрения китайских литературоведов начала 1990-х, определяющих ее как не-партийную историю, осмысленную через призму народной перспективы. Мы рассматриваем НИП прежде всего как субверсию китайского соцреализма. Кроме того, если слово «новая» в словосочетании НИП означает субверсию соцреализма, то не точнее было бы назвать эту прозу постсоциалистическим реализмом?

Мы не готовы разделить и точку зрения Линь Цзинся и А. Моррисона, приписывающих к НИП и историографическую метапрозу. Как нам представляется, в не-партийных историях объектом субверсии выступает *партийная (революционная)* история, а в историографической метапрозе — исторический дискурс как таковой. Против сведения историографической метапрозы и не-партийных субъективных историй в один корпус, на наш взгляд, выступает и разный источник, мотив субверсии. Если для историографической метапрозы таким мотивом служит восприятие западных постмодернистских концепций, то для не-партийных историй подоплекой служит предшествующее развитие литературного процесса в КНР.

Так, романы «Равнина белого оленя», «Большая грудь, широкий зад», «Устал рождаться и умирать», в основе которых лежит не-партийная история, на наш взгляд, нельзя назвать метапрозаическими. Незначительное исключение здесь составляет лишь роман Чэнь Чжунши, в котором упоминается составление учеными уездной хроники (*xiangzhi*), однако повествовательная фактура произведения в целом не связана и, тем более, не взаимообусловлена процессом написания и содержанием этого труда. Нам кажется, что метапрозаический компонент не является обязательной предпосылкой для субверсии гранднарратива.

Итак, несмотря на то, что концепции НИП не дают нам строгой формальной делинеации, применимой к самому китайскому литературному процессу, они представляются удобными при рассмотрении текущего этапа в развитии китайской исторической прозы хотя бы тем, что позволяют держать в поле зрения широкий круг исследований в этой области.

1. См.: Ван Бяо. Юй лиши дуйхуа — синь лиши сяошо лунь: [Диалог с историей — о новой исторической прозе] // Вэнь пинлунь. 1992. № 4. С. 26–32; Хун Чжиган (см. сноску 13); Хун Цзычэн (см. сноску 24) и др.
2. Здесь имеется в виду китайская историко-революционная проза 1950-х — 1970-х годов, в которой описываемые события укладываются в схему поступательного развития классовой борьбы как движения к «светлому будущему», то есть к победе КПК и образованию КНР. Наиболее известные романы — «Хроники красного знамени» Лян Биня (1958), «Красный утес» Ло Гуанбиня (1961), «Песня молодости» Ян Мо (1958), и др. В общих чертах произведения этой эпохи можно назвать китайским социалистическим реализмом. По словам Куан Синьняня, «задача историко-революционной прозы (*geming lishi xiaoshuo*) состоит в том, чтобы свести личный бунт отдельного человека к осознанной и организованной революционной борьбе» (см. сноску 15).
3. Чжао Сифан. Дандай вэньсюэчжундэ лиши сюйшу: [Изложение истории в современной литературе] // Дуннань сюэшу. Фучжоу. 2003. № 4. С. 125.
4. Там же.
5. Чэнь Сыхэ. Люэ тань “синь лиши сяошо”: [О «новой исторической прозе»] // Вэньхуэйбао. Шанхай. 02.09.1992.
6. Там же, С. 46, 49.
7. Там же.
8. Там же. С. 47.
9. Там же.
10. Там же. С. 46.
11. Сунь Сянькэ. Идеологические особенности «новой исторической прозы» // Дандай вэньтань. Чэнду. 1995. № 6. С. 33.
12. Там же. С. 41.
13. Хун Чжиган. Синь лиши сяошо лунь: [О новой исторической прозе] // Вестник Чжэцзянского педагогического университета (общественные науки). Цзиньхуа. 1991. № 4. С. 22.
14. Там же.

15. Куан Синьянь. Мо Янь дэ «Хун гаолян» юй синь лиши сяошо: [«Красный гаолян» Мо Яня и «новая историческая проза»] // Вестник Ханчжоуского педагогического института: общественные науки. Ханчжоу. 2006. № 4. С. 99.
16. Там же. С. 100.
17. Отсылка к В. Беньямину и его известной работе «“Тезисы по философии истории”», или “О понятии истории”» (1940).
18. *Lin Qingxin*. Brushing History Against the Grain: Constructing the Chinese New Historical Fiction as an Oppositional Discourse”. [PhD thesis] Hong Kong, 2001. P. 19–20.
19. Ibid. P. 21.
20. Ibid. P. 1–2.
21. От англ. modernity.
22. Здесь имеется в виду «социализм с китайской спецификой».
23. *Lin Qingxin*. Op. cit. P. 44–45.
24. Хун Цзычэн. Чжунго дандай вэньсюэши: [История современной китайской литературы]. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2015. С. 373.
25. Там же. С. 415.
26. Там же. С. 418.
27. Дрейзис Ю. А. Художественные концепты прозы Юй Хуа: дис.... канд. филол. наук. М., 2013.
28. Завидовская Е. А. Постмодернизм в современной прозе Китая: дис.... канд. филол. наук. М., 2005.
29. Никитина А. А. Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века: дис.... канд. филол. наук. СПб., 2017.
30. Борох О.Н., Ломанов А.В. Возвращение небесного повеления // Pro et Contra. М. 2009. № 3–4. С. 65–88.
31. Автор исследования имеет китайское происхождение, однако эта книга, основанная на диссертации, защищенной в 2004 г. в США, вышла в Лейдене, соответственно мы относим ее к западным исследованиям.
32. *Choy H. Y. F.* Remapping the Past: Fictions of History in Deng's China, 1979 -1997. Leiden: Brill, 2008, P. 233.
33. Там же. P. 12.
34. Там же. P. 236.
35. *Morrison A.* Farewell to ‘history’: New Historical Fiction's Alternative Visions of 20th Century China. PhD Thesis, London, 2012.
36. *Kinkley J.* Visions of Dystopia in China's New Historical Novels (E-book). New York: Columbia University Press, 2014. P. 297.
37. Ibid. P. 28–29.
38. Ibid. P. 27.
39. Ibid. P. 24.